

© 2021. В. А. Кожевников
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Духовные искания Автора в первой главе романа «Евгений Онегин»

Аннотация: Автор статьи, указывая на устойчивые в научном пушкиноведении определения романа «Евгений Онегин» — реалистический, исторический, философский, автобиографический и проблемный, — отмечает, что роман полон мистики, понимая под мистикой веру в существование сверхъестественных метафизических сил, с которыми так или иначе и герои, и сам Автор романа связаны таинственным образом. В статье рассматриваются причины духовного кризиса Онегина, который проявляется в мировидении и поведении героя. Его важнейшие черты, названные в романе, — коварство, лицемерие, цинизм, безделье, искаженное представление о любви, которую заменяет «наука страсти нежной», — рассматриваются в сопоставлении с текстами Священного Писания. В результате автор статьи приходит к выводу, что состояние души главного героя может быть охарактеризовано как ее «омертвление» или «окаменение». «Недуг, которого причину давно бы отыскать пора», связан не столько, может быть, с жизнью в «омуте света», сколько с утратой веры в Бога, «потерей себя» под латентным воздействием демонических сил.

Ключевые слова: Пушкин, роман, «Евгений Онегин», мистика, Лотман, Набоков, комментарий, духовный кризис.

Информация об авторе: Виктор Андреевич Кожевников, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: Polina50@list.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 01.06.2021

Дата одобрения статьи рецензентами: 17.07.2021

Дата публикации статьи: 30.09.2021

Для цитирования: Кожевников В. А. Духовные искания Автора в первой главе романа «Евгений Онегин» // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 3. С. 104–123. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-3-104-123>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 3, no. 3, 2021, pp. 104–123. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 3, no. 3, 2021, pp. 104–123. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2021. Victor A. Kozhevnikov

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Spiritual Quest of the Author in the First Chapter of the Novel *Eugene Onegin*

Abstract: The author of the article, pointing to the definitions of the novel *Eugene Onegin* that are stable in scientific Pushkin studies — realistic, historical, philosophical, autobiographical and problematic — notes that the novel is full of mysticism, understanding by mysticism a belief in the existence of supernatural metaphysical forces, with which the heroes, and the author of the novel himself, are connected in a mysterious way. The article examines the reasons for Onegin's spiritual crisis, which manifests itself in the worldview and behavior of the hero. Its most important features, named in the novel — deceit, hypocrisy, cynicism, idleness, a distorted idea of love, which is replaced by “the science of tender passion” — are considered in comparison with the texts of Holy Scripture. As a result, the author of the article comes to the conclusion that the state of the protagonist's soul can be characterized as its “mortification” or “petrification”. “The disease, the cause of which should have been found long ago”, is connected not so much, perhaps, with life in the “pool of light” as with the loss of faith in God, “loss of oneself” under the latent influence of demonic forces.

Keywords: Pushkin, novel, *Eugene Onegin*, mysticism, Lotman, Nabokov, commentary, spiritual crisis.

Information about the author: Viktor A. Kozhevnikov, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: Polina50@list.ru

Received: June 01, 2021

Approved after reviewing: July 17, 2021

Published: September 30, 2021

For citation: Kozhevnikov, V A. “Spiritual Quest of the Author in the First Chapter of the Novel *Eugene Onegin*.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 3, 2021, pp. 104–123. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-3-104-123>

«Евгений Онегин» — главное произведение А. С. Пушкина, всесторонне изученное и проанализированное. Научный комментарий к нему, созданный не одним поколением выдающихся ученых, можно назвать вершиной не только науки о Пушкине, но и всего литературоведения в целом. Тем не менее и в этом фундаментальном труде встречаются локальные «белые пятна» и темы, которые нуждаются по крайней мере в дополнениях, важных для понимания сущностных проблем романа. Это в первую очередь касается проблем, связанных с едва затронутой наукой о Пушкине темой мистики, под которой мы понимаем веру в существование сверхъестественных метафизических сил (боги, ангелы, духи, демоны и прочие нематериальные сущности), а также, что гораздо важнее, влияния этой веры на характеры, мировидение и поведение героев. Без этого наши представления о романе едва ли можно было бы назвать полными.

«Евгений Онегин» — «энциклопедия русской жизни» и «самое задушевное произведение Пушкина» [Белинский 7: 503, 431] — роман, конечно, *реалистический* [Мейлах: 417], т. е. правдиво воспроизводящий эпоху и наше бытие. При этом «в “Онегине” мы видим поэтически воспроизведенную картину русского общества, взятого в одном из интереснейших моментов его развития. С этой точки зрения, — писал Белинский, — “Евгений Онегин” есть поэма *историческая* в полном смысле слова» (курсив мой. — В. К.) [Белинский 7: 432].

«Момент» действительно интереснейший: в романе изображена «картина русского общества» первой трети XIX в. — до и после восстания декабристов. Правда, в комментариях В. В. Набокова [Набоков] и Ю. М. Лотмана [Лотман] указано что действие романа заканчивается *весной 1825 г.* (здесь исследователь дословно повторяет выводы Иванова-Разумника без ссылки на источник [Иванов-Разумник: 48–113]).

Между тем достаточно внимательно прочитать Восьмую главу романа, чтобы убедиться: в ней изображена эпоха конца 1820-х – начала

1830-х гг. XIX в. На это, к примеру, указывают десяток «хронологических помет» и «на эпиграммы падкий» господин. Он был очень сердит

На толки про роман туманный,
 На вензель, двум сестрицам данный,
 На ложь журналов, на войну...
 [Пушкин 1937–1949. 6: 176].

«Толки про роман туманный» — это, конечно, «Толки о “Евгении Онегине”» — так называлась статья Н. А. Полевой в журнале «Московский телеграф» [Полевой]. А *туманным* роман Пушкина назвал, вероятно, М. П. Погодин, подписавший статью инициалами «N. N.»: «Мы подслушивали разные суждения и расскажем их <...>. Нить повествования ведена лучше в первых трех песнях, чем в последних двух, замечают также многие. Читатель по прочтении четвертой и пятой остается в каком-то тумане...» (курсив мой. — В. К.) [N. N. 1828: 461 и 464].

И «Вензель, двум сестрицам данный», — примета более позднего времени. «Две сестрицы» (или, как обозначено в черновиках, «две сиротки» [Пушкин 1937–1949. 6: 511]) — Анастасия и Ольга Бороздины. Они стали фрейлинами (это и называлось — получить вензель) после смерти их отца Николая Михайловича Бороздина, генерал-адъютанта, любимца императора Николая I, особо назначенного чиновника Верховного уголовного суда и Следственной комиссии по делу декабристов. Умер Николай Михайлович Бороздин 14 ноября 1830 г.

И «Ложь журналов» — примета более позднего времени: речь здесь идет о журнальной «полемике» конца 1820-х – начала 1830-х гг., полной взаимных оскорблений и нападок, негативно воспринятой в обществе. В это время «торговые журналисты» — Полевой, Булгарин, Греч — травили Пушкина и «литературных аристократов», позволяя себе недостойные выпады. «Но из ув.<ажения> к себе не должно по лености или добродушию оставлять без внимания оскорб.<ительные> лич.<ности> и клеветы, ныне к несчастью слишком обыкновенные» [Пушкин 1937–1949. 9: 166], — так писал Пушкин осенью 1830 г. в статье «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений».

Ворчание «сердитого господина» «На войну» было, по-видимому, связано с недовольством итогами русско-турецкой войны 1828–1829 гг. или ходом Польского восстания 1830 г. Последнее вероятнее:

в черновиках прямо сказано: «...На Польшу...» [Пушкин 1937–1949. 6: 511] [Кожевников: 111–167].

«Евгений Онегин» — действительно роман *реалистический, исторический*, а ещё это — «первый русский *проблемный* роман, — отметил В. С. Непомнящий, — и проблема его — *проблема человека*, она ставится, рассматривается, решается на протяжении всего романа. Решается, иными словами, вопрос: что такое человек? Физическое, «природное» *естество*, «животное, которое рассуждает» (Д. Дидро), как учит французский материализм, или *сверхприродное*, *духовное существо*? Тварь, руководствующаяся, подобно животному, только наличными “потребностями” и хотениями, или создание, которому свойственно стремиться к высоким, идеальным, духовным целям и руководствоваться совестью? Сама природа такой проблемы неисчерпаема, и это первая причина неисчерпаемого динамизма романа» (курсив автора текста. — В. К.) [Непомнящий 2001: 73].

«Евгений Онегин» — роман *автобиографический*, обе героини, Ольга и Татьяна Ларины, и оба героя, Ленский и Онегин, — ипостась самого Автора, *его* роман в стихах — это своего рода дневник *его* духовной жизни, фиксирующий *его* духовные искания на протяжении восьми лет работы над романом, и в этом смысле это роман *философский*. И «Евгений Онегин» полон *мистики*: многое, если не всё, зависит в таком случае от *веры* в Бога, *суеверия* или *безверия* Автора и его героев.

Пушкин, сочинитель антиклерикальной поэмы «Монах», кощунственной «Гавриилиады» и прочих антицерковных «шалостей», склонный к суеверию, начал писать роман «Евгений Онегин» в мае 1823 г. Это был период жестокого духовного кризиса, в течение которого ничто: ни его произведения, ни его поведение — не могло бы свидетельствовать об изменении его прежних религиозных взглядов, далеких от Православия.

Это было время, когда Поэт сам чувствовал, что его одолевает страшный недуг «омертвения души».

Собственно говоря, роман «Евгений Онегин» об этом — о превращении живого человека, с которым Автор *подружился* и заметил в нем не только «резкий, охлажденный ум», но и «мечтам невольную преданность», в человека «угрюмого» («Я был озлоблен, он угрюм» [Пушкин 1937–1949. 6: 23]), циничного, с душой холодной, равнодушной, *умирающей*.

«Мертвые души» не с Гоголя начинаются. И не с Пушкина. Вспомним притчу о призвании Христом апостолов, учеников Своих: «Другой же из учеников Его сказал Ему: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему: иди за Мною, и предоставь *мертвым погребать своих мертвецов*» (курсив мой. — В. К.) [Мф. 8: 21–22]. «Роман в стихах» начинается с полусонного, «смутно-дремотного» [Набоков: 103] «бормотания» главного героя, едущего за наследством в деревню к умирающему дяде:

«Мой дядя самых честных правил,
 Когда не в шутку занемог,
 Он уважать себя заставил
 И лучше выдумать не мог.
 Его пример другим наука;
 Но, Боже мой, какая скука
 С больным сидеть и день и ночь,
 Не отходя ни шагу прочь!
 Какое низкое коварство
 Полуживого забавлять,
 Ему подушки поправлять,
 Печально подносить лекарство,
 Вздыхать и думать про себя:
Когда же чёрт возьмет тебя!»
 [Пушкин 1937–1949. 6: 5]

Монолог Онегина с поминанием чёрта характеризует героя как человека далекого от религиозного благочестия, циничного и подверженного «афеизму»¹, а кроме этого, включает в себя аллюзию на роман Байрона «Дон-Жуан», первая строфа которого тоже заканчивается «чертовщиной»:

Ищу героя! Нынче что ни год
 Являются герои, как ни странно
 Им пресса щедро славу воздает,

¹ Афеизм (устар.) — то же, что атеизм — безбожие, безверие. Ср. у Пушкина: «беру уроки чистого афеизма» [Пушкин 1937–1949. 13: 92].

Но эта лесь, увы, непостоянна
Сезон прошел — герой уже не тот,
А посему я выбрал Дон-Жуана
Ведь он, наш старый друг, в расцвете сил
Со сцены *прямо к черту угодил*.
(курсив мой. — В. К.) [Байрон]

Евгений Онегин, подобно герою *английского* поэта Джорджа Байрона, тоже *прямо к черту угодил*, причем еще задолго до отъезда в деревню. В сущности вся Первая глава об этом: как Онегин, сам того не зная и не понимая, угодил в бесовские сети соблазнов и страстей.

Есть в первой строфе еще один намек — на роман *английского* (ирландского) священника Чарльза Метьюрина «Мельмот Скиталец». Начинается он с рассказа о том, как молодой студент Джон Мельмот едет в *деревню*, за *наследством*, к своему *умирающему* дяде и здесь, в *замке* дяди¹, видит призрак, а потом узнает историю своего далекого *мистического* предка Мельмота Скитальца, который *лет сто семьдесят тому назад* продал душу дьяволу.

Герой *английского* романа — жертва искусителя, обреченная против собственной воли творить зло.

«Восклицание Онегина, — писал Юрий Михайлович Лотман о последней строке первой строфы, — вносит, с одной стороны, в сюжетное начало романа элемент пародии, а с другой — раскрывает параллель Онегин — Мельмот как элемент самооценки героя, на которую Автор смотрит иронически» [Лотман: 120]. Ироническая интонация, даже если она есть, не зачеркивает серьезности поставленной Пушкиным проблемы — создать «портрет» героя, душа которого «окаменела»:

В мертвящем упоеньи света,
Среди бездушных гордецов,
Среди блистательных глупцов,

¹ Не случайно деревенский дом дяди Онегина тоже назван *замком*: «Почтенный замок был построен, / Как замки строиться должны» [Пушкин 1937–1949. 6: 31].

XLVII

Среди лукавых, малодушных,
Шальных, балованных детей,
Злодеев и смешных и скучных,
Тупых, привязчивых судей,
Среди кокеток богомольных,
Среди холопьев добровольных,
Среди вседневных, модных сцен
Учтивых, ласковых измен,
Среди холодных приговоров
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Расчетов, дум и разговоров,
В сем *омуте*, где с вами я
Купаюсь, милые друзья.
(курсив мой. — В. К.) [Пушкин 1828: 45–46]

Этими стихами заканчивалась шестая глава романа, которая отдельным изданием вышла 23 марта 1828 г. А предшествовали этому окончанию семь «молитвенных» строк:

А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь,
И наконец окаменеть,
В мертвящем упоеньи света.
(курсив мой. — В. К.) [Пушкин 1828: 44–45]

Пушкин очень болезненно ощущал «окаменение» *своей* души, ее омертвление. И в главе седьмой, описывая *свое* состояние духовной опустошенности, и восклицал и вопрошал горестно:

С каким тяжелым умиленьем
Я наслаждаюсь дуновеньем

В лицо мне веющей весны,
На лоне сельской тишины!
Или мне чуждо наслажденье,
И всё, что радует, живит,
Всё, что ликует и блестит,
Наводит скуку и томленье
На душу мертвую давно,
И всё ей кажется темно?
(курсив мой. — В. К.) [Пушкин 1937–1949. 6: 139–140]

Ощущение себя «мертвой душой» — состояние едва ли не трагическое, но в то же время и верное свидетельство того, что душа еще все-таки жива: «настоящие» «мертвые души» своей «мёртвости» не осознают. Как не осознавали ее родственники апостола, призванного Христом к служению.

Омертвление души — следствие безверия и потери Бога, на месте которого появляется пустота или некий фантом — невидимая и таинственная Судьба — «по религиозным представлениям — высшая сила или воля божества, предопределяющая всё, что происходит в жизни» [Словарь языка Пушкина 4: 423]. Иногда Судьба добра и милосердна («Судьба Онегина хранила...») [Пушкин 1937–1949. 6: 6], а чаще завистлива и зла. Но и «счастливые» дары сей капризной дамы могут обернуться для ее «любимцев» катастрофой. Снедаемый тоской, с разочарованной, мертвееющей душой Онегин, сам того не понимая, оказался во власти неведомых и невидимых демонических сил, присутствие которых весной, летом и осенью 1823 г. Пушкин, работая над Первой главой романа (окончена 22 октября), ощущал особенно остро. Даже чтение Библии его иногда раздражало. Особенно, когда он чувствовал надзор над собой. Вот какую историю рассказала Пелагея Васильевна Дыдицкая — племянница архимандрита Иринейя, а записал её и опубликовал Лев Степанович Мацеевич — библиофил, церковный журналист, историк, литературовед, инспектор Кишиневской духовной семинарии.

Дядя Ириней часто ездил к Инзову в дом. Инзов просил дядю, чтобы он почаще беседовал с Пушкиным и наставлял его. Раз, помню, случилось так. Приезжает дядя к Инзову в страстную пятницу. Поговорил с ним немного и

потом спрашивает: а где же Александр Сергеевич? — «Да он там — у себя в своей комнате — чем-то занимается». — Я пойду к нему, поговорю с ним, — сказал дядя. — Входит дядя в комнату Пушкина, — а он сидит и что-то читает. — Чем это вы занимаетесь? — спросил его дядя, поздоровавшись. — «Да вот читаю историю одной особы», или нет, помню, еще не так он сказал — не особы, а «читаю, говорит, историю одной статуи». Дядя посмотрел на книгу, а это было Евангелие! Дядя очень вспылал и рассердился, ибо он был, действительно, строгий и горячий. — «Что это вы сказали? Как вы смеете так говорить? Вы безбожник! Я на вас сейчас же бумагу подам — и вас за это строжайше накажут». Много и сильно бранил Пушкина дядя и уехал рассерженный. На другой день Пушкин приезжает в семинарию — и ко мне: «так и так, говорит, боюсь, чтоб ваш дядя не донес на меня... Просите, просите вашего дядю». — Зачем же вы, говорю, так не хорошо сказали? — «Да так, говорит, само как-то с языка слетело» [Мацевич: 391–392].

Но «время изменяет человека как в физическом, так и в духовном отношении. <...> Глупец один не изменяется, ибо время не приносит ему развития, а опыта для него не существует...» [Пушкин 1937–1949. 12: 34]. И в 1826 г., когда был написан «Пророк», и в 1836 г., незадолго до гибели, Пушкин думал уже иначе:

Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже *пословицею народов*; она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, — и такова ее вечно-новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению, и погружаемся духом в ее божественное красноречие [Пушкин 1937–1949. 12: 99].

Но и тогда, в 1823 г., переживая тяжелейший духовный кризис, Пушкин, читая Библию («Я слишком с Библией знаком») [Пушкин 1937–1949. 2: 291], не мог хотя бы душой поэта не ощутить «божественное красноречие» Священного Писания, в котором все пороки человеческие и названы, и описаны. Интересно сопоставить «симптомы» онегинского недуга с библейскими текстами.

Онегин — герой «обыкновенный». В описании его светской петербургской жизни нет ничего необычного, ничего демонического, ничего inferнального или мистического. Но ведь не просто так и не случайно Автор чуть позже назвал Онегина *искусителем, бесом*. Татьяна, когда писала Онегину свое трогательное письмо с объяснением в любви, не могла еще решить для себя:

Кто ты, мой ангел ли хранитель
Или коварный искуситель:
Мои сомненья разреши...»
(курсив мой. — В. К.) [Пушкин 1937–1949. 6: 67]

Между тем Автор уже — для себя — «разрешил» ее сомненья:

Татьяна, милая Татьяна!
С тобой теперь я слезы лью;
Ты в руки модного тирана
Уж отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты в ослепительной надежде
Блаженство *темное* зовешь,
Ты негу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный яд желаний,
Тебя преследуют мечты:
Везде воображаешь ты
Приюты счастливых свиданий;
Везде, везде перед тобой
Твой искуситель роковой.
(курсив мой. — В. К.) [Пушкин 1937–1949. 6: 57–58]

Искуситель — по «Словарю...» В. И. Даля — «соблазнитель, прельститель, совращатель <...>; лукавый, сатана, дьявол» [Даль 2: 51] — толкование, восходящее к Евангелию: «Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола, и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к Нему *искуситель*...» [Мф 4: 1–3].

Онегин, конечно, душу дьяволу не продавал, в отличие от героя Метьюрина, но присутствие беса, на которого намекнул Пушкин в начале

романа, очевидно. Светский образ жизни Онегина — естественный в «омуте»¹ дворянской среды — это мир *перевернутых* ценностей, мир *бесовских* искушений, страстей и *омертвения души*.

Почему Онегина, хранимого *судьбой*, вдруг мертвой хваткой стал душить «Недуг, которого причину / Давно бы отыскать пора»? [Пушкин 1937–1949. 6: 21]. Причин, видимых и невидимых, было и остается великое множество. Отметим одну, названную в романе, — *душевная пустота*:

И снова, преданный безделью,
 Томясь душевной пустотой,
 Уселся он — с похвальной целью
 Себе присвоить ум чужой;
 Отрядом книг оставил полку,
 Читал, читал — а всё без толку...
 (курсив мой. — В. К.) [Пушкин 1937–1949. 6: 23]

Пустота лишь на первый взгляд — и не болезнь, и неопасна.

На самом деле *пустота души* — недуг смертельный, как и сказано в Писании: «Я *неисцельно* поражу тебя *опустошением* за грехи твои. Ты будешь есть и не будешь сыт; *пустота* будет внутри тебя; будешь хранить, но не убережешь, а что сбережешь, то предам мечу. Будешь сеять, а жать не будешь; будешь давить оливки и не будешь умащать ся елеем; выжмешь виноградный сок, а вина пить не будешь» (Мих. 6: 13–15).

«Свято место пусто не бывает...», а если оно пусто и не свято — известно, кто его займет. *Пустота* — место беса; признак *умирания* или *омертвения души*. И «плоды» этого омертвения — от «древа злого»: «Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. <...> Итак, по плодам их узнаете их» (Мф 7: 17–20).

¹ *Омут* — на поверхности тихое и спокойное, но самое глубокое и гибельное место в реке или в озере с очень сильным водоворотом, который затягивает свои жертвы на дно. Выбраться из него трудно, почти невозможно. По народным представлениям, место обитания нечисти. Свет — омут: «В сем омуте, где с вами я /купаюсь, милые друзья!» — метафора прозрачная: «в тихом омуте черти водятся».

Вся Первая глава, а по сути, и весь роман повествуют об этих отравленных, ядовитых «плодах». Что больше всего занимало Онегина?

«Наука страсти нежной, / Которую воспел Назон...» — древнеримский поэт Публий Овидий Назон создал монументальный триптих из дидактических элегий «Наука любви», «Наука любить» и «Искусство любви», описывающих основы учтвого поведения мужчин и женщин, а также различные *приёмы* и *уловки* соблазнения. «Наука любви» — одно из самых эротичных произведений в мировой литературе. В сущности, трилогию Овидия можно назвать искусством и наукой не любви, а соблазнения и разврата.

Сравним у Пушкина:

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей,
И тем ее вернее губим
Средь *обольстительных сетей*.
Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился *любовной*,
Сам о себе везде трубя,
И наслаждаясь не любя.
(курсив мой. — В. К.) [Пушкин 1937–1949. 6: 75]

Овидиевы «Искусство любви» и «Наука любви» никакого отношения к любви не имеют, ибо в основе этих «игрищ» лежит эгоистическое и самолюбивое желание ублажить *себя*. А безыскусная настоящая любовь «не ищет своего», о чем писал апостол Павел: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор. 13: 4–7).

Сравним в портрете Ленского:

От хладного *разврата* света
Еще увянуть не успев,
Его душа была согрета
Приветом друга, лаской дев...
(курсив мой. — В. К.) [Пушкин 1937–1949. 6: 34]

И вот онегинские «плоды» «науки страсти нежной» — в сопоставлении с текстами Священного Писания.

«Какое низкое коварство / Полуживого забавлять...» [Пушкин 1937–1949. 6: 5] — рассуждает Онегин, как будто есть высокое коварство. Но сказано в Притчах Соломоновых: «Промышления праведных — правда, а замыслы нечестивых — коварство» (Притчи 12: 5). Коварство — это притворство, злой умысел, предательство, «иудин поцелуй», вероломство, ложь и лицемерие. «Как рано мог он лицемерить...» [Пушкин 1937–1949. 6: 9], — сказано в романе. И в Притчах Соломоновых сказано: «Устами лицемер губит ближнего своего...» (Притчи 11: 9). И себя, конечно, губит. Лицемерие — это ложь. И об этом сказано в Притчах: «Мерзость пред Господом — уста лживые» (Притчи 12: 22).

И в Евангелии от Иоанна то же самое сказано о лжецах и лицемерах: «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нём истины. Когда говорит он ложь, говорит своё, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8: 44). И в дальнейшем мы видим, что «моральный кодекс» Онегина — «перевертыш» Заповедей Божиих. Вместо любви, без которой человек «ничто» (1 Кор. 13: 2), потому что «Бог есть любовь» (1 Ин 4: 8), — «наука страсти нежной», наука прелюбодеяния и разврата.

Вместо дружбы — иллюзия, пустая видимость «дружества» — «от *делать нечего*» (курсив автора текста. — В. К.) [Пушкин 1937–1949. 6: 37]. В итоге: «Друзья и дружба надоели» [Пушкин 1937–1949. 6: 21]. А могло быть и должно быть иначе: «Отдаляйся от врагов твоих и будь осмотрителен с друзьями твоими. Верный друг — крепкая защита: кто нашел его, нашел сокровище. Верному другу нет цены, и нет меры доброты его. Верный друг — врачество для жизни, и боящиеся Господа найдут его» (Сирах 6: 13–16).

Вместо труда — отвращение к нему: «Но труд упорный / Ему был тошен...» [Пушкин 1937–1949. 6: 22].

Вместо любви к родным — лицемерное «почитание» и раздражение:

Мы их обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О рождестве их навещать,

Или по почте поздравлять,
Чтоб остальное время года
Не думали о нас они. . .
(курсив мой. — В. К.) [Пушкин 1937–1949. 6: 81]

Вместо любви к ближнему своему и *врагам своим*, которых тоже надо любить, — «любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5: 44) — злословие, злоречие:

Когда ж хотелось уничтожить
Ему соперников своих,
Как он язвительно злословил!
Какие *сети* им готовил!
(курсив мой. — В. К.) [Пушкин 1937–1949. 6: 10]

А премудрый Соломон говорит: «Берегитесь от злоречия языка, ибо и тайное слово не пройдет даром, а клеветующие уста убивают душу» (Прем. 1: 11). И апостол Павел учит: «Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас; но будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас» [Эфес 4: 31–32].

И *сети* — орудие бесовского арсенала: «Ищущие же души моей ставят сети, и желающие мне зла говорят о погибели *моей* и замышляют всякий день козни» (курсив автора текста. — В. К.) (Пс. 37: 13).

Стоит ли удивляться, что Онегина ждали в итоге разочарование, сплин, хандра, охлаждение чувств, омертвление души и мысли о самоубийстве. «Евгений Онеги» — роман *автобиографический*, если иметь в виду идентичность духовных катастроф героя и Автора.

В сентябре-октябре 1822 г., за полгода или чуть больше до начала «Онегина», Пушкин написал письмо брату, которое можно назвать планом-«конспектом» Первой главы романа:

Тебе придется иметь дело с людьми, которых ты еще не знаешь. С самого начала думай о них все самое плохое, что только можно вообразить: ты не слишком сильно ошибешься. Не суди о людях по собственному сердцу, которое, я уверен, благородно и отзывчиво и, сверх того, еще молодо;

презирай их самым вежливым образом: это — средство оградить себя от мелких предрассудков и мелких страстей, которые будут причинять тебе неприятности при вступлении твоём в свет.

Будь холоден со всеми; фамильярность всегда вредит; особенно же остерегайся допускать ее в обращении с начальниками, как бы они ни были любезны с тобой. Они скоро бросают нас и рады унижить, когда мы меньше всего этого ожидаем.

Не проявляй услужливости и обуздывай сердечное расположение, если оно будет тобой овладевать: люди этого не понимают и охотно принимают за угодливость, ибо всегда рады судить о других по себе.

Никогда не принимай одолжений. Одолжение, чаще всего, — предательство. — Избегай покровительства, потому что это порабощает и унижает.

Я хотел бы предостеречь тебя от обольщений дружбы, но у меня не хватает решимости ожесточить тебе душу в пору наиболее сладких иллюзий. То, что я могу сказать тебе о женщинах, было бы совершенно бесполезно. Замечу только, что чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею. Однако забава эта достойна старой обезьяны XVIII столетия. Что касается той женщины, которую ты полюбишь, от всего сердца желаю тебе обладать ею.

Никогда не забывай умышленной обиды, — будь немногословен или вовсе смолчи и никогда не отвечай оскорблением на оскорбление.

Если средства или обстоятельства не позволяют тебе блистать, не старайся скрывать лишений; скорее избери другую крайность: цинизм своей резкостью импонирует суетному мнению света, между тем как мелочные хищрения тщеславия делают человека смешным и достойным презрения.

Никогда не делай долгов; лучше терпи нужду; поверь, она не так ужасна, как кажется, и во всяком случае она лучше неизбежности вдруг оказаться бесчестным или прослыть таковым.

Правила, которые я тебе предлагаю, приобретены мною ценой горького опыта. Хорошо, если бы ты мог их усвоить, не будучи к тому вынужден. Они могут набавить тебя от дней тоски и бешенства [Пушкин 1937–1949. 13: 524; *ориг. по-франц.*].

А через полгода после начала романа, в октябре-ноябре 1823 г., Пушкин описал воображаемые встречи с тем, кто искушал его в Петербурге и в Кишиневе, кто «диктовал» ему это письмо брату, кто Онегину внушал мысли и лицемерные, и лукавые.

Демон

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья,—
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь,
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу холодный яд.
Неистошимой клеветою
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.
1823, октябрь ... ноябрь
[Пушкин 1937–1949. 2: 299].

Принято думать, что «Демон» — отражение кризисного состояния Пушкина. И это отчасти справедливо, потому что «Демон» — стихотворение о прошлом, недавнем, но уходящем. В нем глаголы только прошедшего времени, того забываемого времени, когда Поэту были «новы / Все впечатленья бытия».

Но «Демон» — стихотворение-переживание и настоящего, мистический ключ к пониманию романа, по крайней мере, Первой главы его,

которую Пушкин закончил в Одессе 22 октября 1823 г., когда «прояснился темный ум» [Пушкин 1937–1949. 6: 30].

«Демон» — плод прояснения ума, осознания зла — первый шаг избавления от его темной силы. Именно так это стихотворение понял Жуковский: «Обнимаю тебя за твоего *Демона*. К черту черта! Вот пока твой девиз. Ты создан попасть в боги — вперед. Крылья у души есть! вышины она не побоится, там настоящий ее элемент! дай свободу этим крыльям, и небо твое. Вот моя вера. Когда подумаю, какое можешь состряпать для себя будущее, то сердце разогреется надеждою за тебя. Прости, чертик, будь ангелом» [Пушкин 1937–1949. 13: 94–95].

В. А. Жуковский верил, что душа Поэта обратится к Небу. И Пушкин чувствовал: Жуковский прав. Но до исцеления и даже выхода из кризиса было еще далеко.

В Первой главе, реалистически описывающей события жизни Онегина, мистика латентна и не очень заметна. Она скрыта в намеках и аллюзиях, зато ясно показан губительный результат ее воздействия на душу героя. Однако в следующих главах мистика заметно проявляется уже в темах споров и рассуждений героев о вековых предрассудках, о роковых тайнах гроба и жизни, о добре и зле, о судьбе и страстях. Мистическими переживаниями проникнуто письмо Татьяны. Прямо связаны с мистикой подробно описанные в романе гадания и сон Татьяны, ее суждения об Онегине. Следующие главы полны реминисценций из Священного Писания и «мистической» лексики: «священные друзья», «неотразимые лучи», «бессмертная семья»; судьба, доля, Рок, роковой; масленица, подблюдны песни, гадания; молебен, коварный искуситель, бес; Бог, воля Неба и Провидение... Мистические представления о мире Автора и его героев играют очень важную роль в «Евгении Онегине», и в Первой, и в последующих главах. Но всё это требует детального рассмотрения, изучения и отдельного исследования.

Список литературы

Источники

Байрон Дж. Г. Дон-Жуан // *Байрон Дж. Г.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1981. Т. 1. URL: <http://lib.ru/POEZIQ/BAJRON/donjuan.txt> (дата обращения: 21.05.2021).

Белинский В. Г. Статьи о Пушкине // *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953–1959. Т. VII. С. 99–182.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Изд-е М. О. Вольфа, 1880–1882.

Мацевич Л. Кишиневские предания о Пушкине. Рассказ П. В. Дыдицкой // Исторический вестник. 1883. Май. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book482965/#page/433/mode/1up> (дата обращения: 21.05.2021).

Н. Н. Евгений Онегин, роман в стихах, сочинение Александра Пушкина, песнь 4 и 5. СПб.: В тип. Департамента Народного Просвещения // Московский вестник. 1828. Ч. VII. № 4. С. 461–468.

Полевой Н. А. «Толки о “Евгении Онегине”» // Московский телеграф. 1825. № 15. Особенное прибавление.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949, т. I–XVI; 1959, т. XVII (Справочный).

Пушкин А. С. «Евгений Онегин», роман в стихах. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1828. 48 с.

Словарь языка Пушкина: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. языков, 1956–1961. Т. IV (С—Я), 1961. 1048 с.

Исследования

Иванов-Разумник Р. В. Сочинения. Пг.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1916. Т. 5. 371 с.

Кожевников В. А. Избранное. Статьи, переводы, комментарии. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 431 с.

Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.

Мейлах Б. С. «Евгений Онегин» // Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.; Л.: Наука, 1966. 664 с.

Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / пер. с англ. СПб.: Искусство-СПб, Набоковский фонд, 1998. 928 с.

Непомнящий В. С. Лирика Пушкина как духовная биография. Репетиция книги. М.: МГУ, 2001. 238 с.

References

Ivanov-Razumnik, P. V. *Sochineniia* [Works], vol. 5. Petrograd, Tipografia M. M. Stasiulevicha Publ., 1916. 371 p. (In Russ.)

Kozhevnikov, V. A. *Izbrannoe. Stat'i, perevody, kommentarii* [Selected Works. Articles, Translations, Comments]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2017. 431 p. (In Russ.)

Lotman, Iu. M. *Roman A. S. Pushkina "Evgenii Onegin". Kommentarii. Posobie dlia uchitelia* [Alexander Pushkin's novel "Eugene Onegin". Commentary. Teacher's Manual]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1983. 416 p. (In Russ.)

Meilakh, B. S. "Evgenii Onegin" ["Eugene Onegin"]. *Pushkin. Itogi i problemy izucheniia* ["Pushkin. Results and Issues of Studying"]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 664 p. (In Russ.)

Nabokov, V. V. *Kommentarii k romanu A. S. Pushkina "Evgenii Onegin"* [Commentary on the Novel "Eugene Onegin" by Alexander Pushkin]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., Nabokovskii fond Publ., 1998. 928 p. (In Russ.)

Nepomniashchii, V. S. *Lirika Pushkina kak dukhovnaia biografiia. Repetitsiia knigi* [Pushkin's Lyrics as a Spiritual Biography. Book Rehearsal]. Moscow, MGU Publ., 2001. 238 p. (In Russ.)